Григорий Сырников

ЗАПИСКИ ТАНКИСТА

Григорий Львович Сырников родился в 1906 году в Белозерском районе. Здесь прошла его комсомольская юность. В 1930 году он вступил в коммунистическую партию и до конца дней своих был активнейшим ее бойцом.

Через Великую Отечественную войну Сырников прошел с танкистами 237-й и 100-й танковых бригад 31-го танкового корпуса от жесточайших боев на огненной Курской дуге до Праги. Был ранен, контужен. Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны 2 степени, орденом Отечественной войны 1 степени, многими медалями, а также чехословацким крестом "За храбрость".

После войны Григорий Львович трудился директором совхоза, вторым секретарем Сафакулевского райкома КПСС, председателем Мехонского райисполкома, первым секретарем Половинского райкома партии. За самоотверженный труд в послевоенные годы Григорий Львович Сырников удостоен ордена Ленина, многих медалей.

ПОД ГРАЙВОРОНОМ

Приказ комкора 31 был краток: «Прорваться к развилке дорог Грайворон—Антоновка—Головчино, оседлать мост и сдерживать движение частей 17-й дивизии немцев,

которая разгружается на станции Головчино. Сдерживать не менее суток».

Заместитель командира танкового корпуса полковник Жидков в беседе с нами еще раз напоминает: «Продержаться любой ценой до второй половины дня. За это время другие части завершат окружение немецкой дивизии».

Впереди других мы на танке Иванова выскакиваем к мосту. В комсомольском экипаже Иванова ребята лихие, обстрелянные. Не дожидаясь подхода других танков, с ходу обрушиваемся на поток машин и бронетранспортеров противника, идущих из Головчино на Грайворон. Силами подоспевшего танкового взвода Протопопова заканчиваем разгром вражеских колонн.

Вскоре прибыл и комбат Полянский с главными силами батальона и приданными подразделениями. Развилку дорог перекрыли танковыми засадами. Наш командный пункт — танк Т-34 Иванова, штабная полуторка, а также машина с радиостанцией — разместился у моста.

Погода резко изменилась. Темные тучи погасили краски дня, пошел проливной дождь. Вода достает нас и под машиной. Молнии режут черную пелену ночи. А нам хочется спать. Ах, как хочется...

Помпотех роты Вася Селиванов трясет меня за плечо:

— Шум моторов на дороге! Откуда?

Мы с начальником штаба Борисовым и моим ординарцем Митей идем за Селивановым на дорогу. Ясно прослушиваются буксующие мотоциклы.

— Впереди же танковая засада, откуда мотоциклы? — недоумевает Борисов.

Прямо в нас уперлась буксующая трехколесная машина. На наш оклик взметнулась ракета. Перед нами на дороге была целая колонна вражеских мотоциклистов.

Все, кто был на КП, бросились врукопашную. Грязь, темень. С кем-то столкнулся, отскочил, и, как молотом, — над ухом выстрел. Осветил лицо стрелявшего, тоже стреляю в упор — фашист падает. Бегу к танку Иванова. Экипаж, как всегда, действует решительно: включив фары, втаптывает мотоциклы в грязь.

Позже выяснили, что в танковых засадах, измотанные беспрерывными боями, танкисты уснули. Хорошо, что немцы их

не обнаружили и прошли мимо.

Пока мы приводили в порядок боевое охранение и танковые засады, начало светать. Вскоре из Головчино, виляя по дороге, вышла большая колонна вражеских танков, бронетранспортеров и автомашин с пехотой.

Мы дали колонне вытянуться из Головчино полностью и, распределив с Полянским и Борисовым наши наличные силы, ударили по фашистам.

Удар был сильным — били двадцать танковых пушек. 24 танковых и два станковых пулемета, две пушки 76-мм. Кроме того, вели огонь мотострелки.

Вражеская колонна заметалась под морем огня. Пулеметы косили разбегавшуюся пехоту врага. Бой затих так же внезапно, как и возник.

Перегруппировавшись, враг вновь усилил нажим. Наши танковые засады пятятся к мосту. Наш КП уже в центре боя. Комбат Полянский посылает меня к Сибирову снять взвод автоматчиков с двумя станковыми пулеметами и прикрыть отход батальона, в котором осталось не более взвода танков.

На «виллисе» я быстро доставил пулеметы, и мы их огнем стали отсекать идушую за вражескими танками пехоту.

Уже полдень. Продержаться еще бы часок!..

Старший лейтенант Протопопов с опытным механиком Сальниковым на танке маневрируют вокруг ветряной мельницы, сдерживая выход немцев к мосту. А у моста насмерть стоит комсомольский экипаж лейтенанта Иванова. Надо спасать раненых бойцов, их становится все больше и больше. Вывожу из боя изрядно помятый танк Протопопова, и мы размещаем на нем тяжелораненых. Те, кто в состоянии держаться на ногах, идут за танком...

Отход группы прикрывает своим огнем экипаж танка Иванова. Мы с Борисовым бежим к разбитой машине-радиостанции. Радисты убиты. Берем уцелевшую рацию и пытаемся догнать ушедшую группу, но мы уже отрезаны от неё немцами. Умолк танк героя-комсомольца Иванова. Танки и бронетранспортеры с пехотой врага вышли на мост. Автоматчики рассыпались по скошенному полю ржи.

От быстрого бега при жаре Борисов совсем запарился.

— Иди, Григорий, один, — говорит он,—больше не могу.

Тяну его к копне соломы. К счастью, солома рыхлая….Ныряем в неё. Слышим, как совсем рядом пробегают немцы, строчат из автоматов.

Сквозь соломенную сетку перед глазами видим, как к копне ковыляет немец. Присел и вдруг вскочил, почувствовав опасность. Пытается вытащить из кобуры парабеллум. Но Борисов опережает — стреляет ему в грудь. Тащим фрица под копну.

Под вечер добрались до поля подсолнечника. Валюсь на не просохшую от ночного дождя землю. Смотрю в небо. Борисов сидит рядом, в руках пистолет — война есть война.

Словно из-под земли, вырастает надо мной тень. Из-за шляп подсолнечника на меня смотрят большие, навыкате, удивленные глаза. Оба онемели от неожиданности. Резкий треск выстрела выводит меня из оцепенения. Это Борисов «завалил» немца. Вырывает из рук убитого автомат, вытаскивает из за голенищ его сапог магазины с патронами. Ликует:

— Теперь, Григорий, воюем! Автомат, парабеллум, два пистолета.

Вскоре слышим русскую речь. По крепким выражениям сразу узнаем, кому она принадлежит. На краю поля стоит наш Т-34. На нем с биноклем в руках стоит Протопопов. Табором расположились танкисты и автоматчики.

—Наши! Свои!

— А мы уже думали, каюк вам, — довольно улыбается Протопопов и сжимает нас в объятиях.

Мы выполнили поставленную перед нами задачу. Удержали развилку даже дольше положенного времени. Но наш отход ценою собственной жизни прикрыли танкисты героического экипажа комсомольца Иванова. Это позволило батальону объединить разрозненные группы и провести удачную операцию под Новостройкой.

Благодаря отваге комсомольского экипажа многие танкисты и бойцы мотострелкового батальона остались в строю и прошли тяжелыми военными дорогами до самого Берлина.

Танкисты Иванова похоронены у моста, на развилке дорог, идущих в сторону Антоновки и Головчино. И пусть каждый, кому придется проезжать или проходить через мост, низко поклонится праху этих героев Курской битвы.

БОИ ПОД ВИННИЦЕЙ

Помню, в боях 24 - 25 января 1944 года я получил 13 приказов, разноречивых и непонятных. А враг напирал со всех сторон, “дыр” было много, мы с Борисовым все же действовали не наобум, а исходя из обстановки.

- Мы к противнику ближе – нам и виднее, - говорит смелый и решительный, как всегда, толковый, наш начальник штаба Борисов Алексей. Не успеешь дать приказ и перестроить порядки, а тут уже новый. А вслед за ним еще новый приказ. Один другому перечит. Здесь надо голову и крепкие нервы.

Ведем бой в “Подкове”. Враг уже с трех сторон, выйдя большой силой из Брицкое, простреливает наши порядки. А из штаба корпуса прибыл майор не то Глота, не то Локота. Требует немедленно атаковать Брицкое. Пока он до нас добирался, обстановка стала другая, и мы уже получили другие задания. Но есть же на свете солдафоны, они были, есть и, к сожалению, еще будут. Я и Борисов мотаемся с отражением атак врага, сдерживаем напор фашистов, а солдафон- майор гнет свое:

– Поворачивай, капитан, все танки на Брицкое и немедленно!

Это же ловушка для нас всех, загубим без толку людей и технику, - возражает Борисов.

- Да и приказы у нас другие, - доказываю я.

А майор-солдафон свое, он уже угрожает нам трибуналом. Перемигнулись с Борисовым, подозвали парторга Жирухина и моего ординарца Крючек.

- Взять майора под арест и отвезти в штаб корпуса как вредную личность, - скомандовал я ребятам. Они скрутили ошарашенного майора и в коляску мотоцикла, а там и в Очеретню, в штаб корпуса.

- Ну не миновать нам трибунала, - говорит Борисов.

- Бог не выдаст, свинья не съест, - успокаиваю я его.

Удивительно то, что комкор №1 генерал Григорьев и начальник штаба полковник Володин, наши действия признали правильными, выслушав мои объяснения, генерал сказал:

- Еще Суворов учил, что каждый солдат должен свой маневр иметь, а офицер тем более. Нам голова дана не только шапку носить, а думать и ответственность на себя брать.

Вспоминается курьезный случай – “радио-беседы” с врагом. Под Ротмистровкой на нашу волну по рации пристроились фашисты. Я даю приказ комроты Сибирову: - “Ваня, прикрой свой фланг от Бяла взводом Газалова. Немец на ломаном русском языке: - “Вани, не слушай, а пока жавой удирай в Должин, тамо девки, вареника, самогона многа.

- Поганый фриц, не мешай командовать! - ругаюсь я, - возьму Ротмистровку - тебя первого за ноги повешу.

Так с перерывами всю ночь мы “любезно” объяснялись с противником, и как только мы друг друга не высрамили, не хуже, чем запорожцы турецкого Султана. Но в такой напряженной обстановке эта забава была нелишней.

БОЙ НА ПЕРЕПРАВЕ В ЗАЗОВО

Приказал старшему лейтенанту-комсомольцу Шлыкову Василию Борисовичу с саперами капитана Ненушьяна охранять переправу, отражать выход противника к мосту. Ночь, но, видя силуэты танков врага, навел Василий свою пушку не через прицел, а через канал ствола и лупанул без промаха. Поджог один танк, запылав, тот осветил другие. Три танка подбил так Вася Шлыков. Танки немцев засекли и машину Шлыкова. Удар снаряда по башне, звенит все, а на башне лишь вмятина. Ударом второго снаряда покалечило ходовую, сорвало люк, осколками Шлыкова ранило в плечо и голову. Приказав экипажу покинуть танк, он продолжает один вести огонь по врагу. Иду с ординарцем и насильно вытаскиваю Шлыкова из танка, а он сопротивляется, кричит: - «У меня еще осталось три патрона». А сам весь в крови. Укладываю его на свой танк. А саперы Ненушьяна тем временем взорвали переправу, отрезав нажим противника на неопределенное время.

Живет герой Шлыков Василий Борисович в Москве. А сколько таких Шлыковых, скромных тружеников Великой Отечественной войны живет сейчас среди нас?

МЕДСЕСТРА

Наша атака на Романов хутор имела большое значение для всей 38-й армии. Оказывается, овладев Романовым, мы позволили частям двух стрелковых дивизий соединиться с другими войсками 38-й армии, не допустить окружения. Этот

населенный пункт так и остался в наших руках до весеннего наступления армии Москаленко. Как ни странно, но приказ о взятии Романова помогла нам выполнить сестра милосердия Лиза. Когда мы уже вышли на исходные позиции со своими танками, то выяснилось, что пехоты от всего полка в строю осталось лишь 21 человек. В артдивизионе 85-ти миллиметровых пушек - всего две, а снарядов нет совсем.

Части 38-й армии по приказу свыше срочно перебрасывались за Тягуны. Спешат к переправе. На грейдере видим колонну «Катюш». Начальник штаба Борисов бежит к ним и просит дать хоть один залп по Романову. Но у них другая задача, спешат сосредоточиться за переправой. Вскоре медсестра из пехотного подразделения подходит ко мне и говорит: “Готовьтесь к атаке, «Катюши» поддержат» - и, махая своей авторитетнейшей на войне сумкой с красным крестом, побежала на грейдер. Останавливает колонну “Катюш”.

Со слезами и руганью, а больше авторитетом “Красного креста”, заставила дать из 8-ми установок залп по Романову. Вслед за разрывами мин из гвардейских минометов, мы ринулись в атаку и овладели населенным пунктом.

Обалдевшие от неожиданности и мощи огня пленные немцы говорят: - “Катюша, Катюша, а потом танки. Мы думали контрудар большими силами русские наносят, а потом смотрим…”.

- Смотри, не смотри, а живей в колонну стройтесь, рассосуливать некогда, - кричит им старшина из пехотинцев.

Я спрашиваю сестру: “Как зовут тебя, милая? Фамилия? Я где-то вас видел. Уж больно личность памятная?”.

Она небрежно: “На войне все знакомые”, - забросив за плечо свою санитарную сумку, шлепая валенками по весенней луже, побежала к своим пехотинцам.

Сижу на башне танка, спустив мокрые на ногах валенки на горячие жалюзи, от них пар клубится. Лейтенант Чижиков с водителем Т-34 Сашей Скороходовым возятся, сменяя порванные на мине траки гусеницы. Пленных ведут толпой, как стадо баранов, впереди, согнувшись от усталости, топает разбухшей не по сезону обувкой сестра милосердия.

Что-то из далекого детства встает в памяти. Нахлынули, беря за самое сердце, воспоминания. Напрягая свою память, ловлю себя на том: “Это ведь моя родная “Пухова слобода” в

образе озорной, шароглазой Лизки пришла мне на помощь в трудную минуту мою. Ну, конечно же, это Фадеева Елизавета. Она сегодня открыла мне окошечко в прошлое, мною не забытое. Тесен бывает мир.

Как добра и милосердна наша память. 30 лет минуло, а облик близких людей, дом, улица, омуток, незабываемые плесы Тобола, разнолесье Глядена, Кочелят – все в неизменном виде преподносит мне добрая память. Прошлое стоит перед глазами. Тысячами нитей человек связан со своим прошлым. Пройдут многие годы, историей станут и наши бои с фашистами, но память людей будет, как на фундамент, опираться на наше могучее прошлое, возводя новое будущее. Да, прошлое живет в нас. На него будут опираться наши внуки и правнуки в будущем. Прав философ, записав: "… только дикость, подлость и невежество забывает прошлое…".

Никогда человек не может отказаться от того, что есть в нем, что заложено в него предками. И хранить это он обязан.

ШТРАФНИКИ

…Наш танковый батальон поставили в оборону юго-западнее Очеретни. Гановка-Нападовка занимала дивизия СС "Адольф Гитлер".

В охранение к нам выделили батальон штрафников, который расположился в наспех вырытых окопах в 200 метрах впереди наших позиций. Наблюдая за противником и нашим штрафным охранением, мы обеспокоились. Бойцы штрафного и немецкой стороны солдаты во весь рост разгуливают перед своими окопами, не реагируя на соседство противной стороны. И стрельбы нет.

Сабиров говорит: "Я на этих штрафников не очень-то надеюсь". А мы с Борисовым иного мнения – они не подведут!

Часто, даже после войны о штрафниках незаслуженно говорят с пренебрежением и это зря. Нельзя забывать, что этих провинившихся перед обществом, государством людей ставили на самые горячие участки фронта. Делая правильно. Прошрафился – отвечай. Совесть и честь твоя испытывается огнем. И они, эти провинившиеся люди, сражались с врагом честно. Мне вспомнился случай в Кургане в 30-х годах. В очереди за хлебом рабочие ругают непорядки. Подошел один

плюгавенький “господин” и начал: “Вот до чего со своей революцией и социализмом дожили, стыд!”

Один из тех, кто только что бранил порядки, обрушился на плюгавого: “Ты, гад, нашу революцию и социализм не тронь, то как врежу, глаза выскочат на лоб!.

-Так ты же сам сейчас ругал власти, - укорил его “господин”.

- Так я же свою власть рабочую критикую за беспорядки, а ты, гад, куда замахиваешься – на социализм, на революцию. А Советскую власть мы в обиду вам, гадам, не дадим.

Так и штрафники…. Злобы у них к Советской власти не было, и они дрались за нее, как и все советские люди, живота не жалея…

Пришли мы с Борисовым к командованию штрафного батальона. Капитан, лейтенант и солдат сидят обедают. Наливают нам спирту в банку из-под консервы. Мы пить отказались, не время. Из-за стола поднялся рослый солдат, в короткой шинельке не по росту, притаптывая большими без обмоток ботинками, придирчиво спросил: “С нашим братом штрафником выпить гнушаетесь? Да знайте, я полковник, завтра царапнет осколок - и я при всех регалиях, а у меня их целый иконостас, тогда вы передо мной шапку ломать будете.

- Ну что правильно, то правильно. Что заслужишь, то и получишь, а теперь чего зазря ковыряться, - мудро ответил Борисов. - И мы покинули наших задиристых соседей.

В эту же ночь, пользуясь беспечностью штрафников, “Власовцы”, вырезав минометные расчеты, утащили минометы вместе с плитами. Наутро штрафники, разъяренные наглостью противника, сильным пулеметным огнем загнали немцев и их приспешников в окопы. До вечера не давали им из них высунуться. А ночью поднялись в атаку, захватив первую и вторую линию окопов, перебили в рукопашном бою массу противника, до восьми десятков пригнали пленных и на виду вражеской стороны расстреляли их на нейтральной поляне.

Когда мы после этого их посетили, чтобы поговорить о недопустимости подобного впредь, то они кричали: “Ни одного гада и подлеца не будем брать в плен! Они, суки, первыми насвинячили!”

Полный текст воспоминаний Григория Львовича Сырникова хранится в Каширинском литературно-краеведческом музее.